

БОЖІА ПИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМІИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБСѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Нѣтъ, не забыть тебя да-
леко, счастливое дѣтство!
Нѣтъ, никогда, никогда не
изгладится изъ сознанія святая,
торжественно - таинственная, без-
конечно - радостная ночь! Этоъ
первый властный протяжный, про-
тяжный полночный призывный
ударъ!.. Это море свѣта, вторя-
щего духовному просвѣтлѣнію!..

Этоъ радостный перезвонъ, какъ
будто слиящійся утопить въ себѣ,
въ себѣ одномъ — безраздѣльно
восторги чистой людской радости!..
Эта сладость дивнаго церковнаго
пѣснопѣнія!... Эта зорька ранняго,
ранняго утра!.. Это вѣяніе весны!..
Этоъ призывъ къ братскому ло-
бызанію!.. Это чувство отрады,
снѣдающее острую горечь набо-

лѣвшихъ сердце и общимъ властнымъ потокомъ восторга смывающее съ лицъ молящихся отпечатокъ грусти!..—Всѣмъ этимъ дарить насъ святая, пасхальная ночь—эта, поистинѣ, царица ночей, веселящая юность, подающая отраду и простой безхитростной старости!

И однако чѣмъ болѣе развивается и обособляется отъ вѣры мысль человѣческая, тѣмъ осязательнѣе и осязательнѣе утрачиваются эти безцѣнные, неподкупные восторги чистой радости. И въ этомъ великая печаль нашего времени.

И чѣмъ чаще и чаще встрѣчается дѣтство и юность безъ чувства духовной радости, тѣмъ бѣднѣе и бѣднѣе становится жизнь человѣчества.. Обогадимъ-же ее!.. Озолотимъ-же утро и колыбель человѣчества святыми мгновениями! Пусть-же Воскресшій во времени постоянно воскресаетъ въ нашихъ бѣдныхъ душахъ и въ чувствѣ тѣхъ многочисленныхъ чадъ, которые ввѣрены нашему попеченію.

Христось Воскресе! Христось Воскресе! Христось Воскресе!

Д. В.

РЕЛИГИОЗНОЕ И ПРЕКРАСНОЕ ВЪ ВОСПИТАНІИ.

(Къ вопросу о школьныхъ путешествіяхъ).

Не случайно философская мысль объединяетъ, а иногда даже и отождествляетъ, чувство религіознаго съ чувствомъ прекраснаго; не случайно христіанство дало широкое мѣсто искусству, призвавъ его къ служенію Церкви и въ живописи, и въ скульптурѣ, и въ возвышенной лирикѣ, и въ прекрасныхъ формахъ богослуженія, и въ церковномъ пѣснопѣніи; не случайно великіе подвижники, пустынники и аскеты были въ то же время и рѣдкими любителями красотъ Божьяго міра; не случайно въ душѣ дѣтей и взрослыхъ зарождаются иногда моменты особаго религіознаго вдохновенія подъ блескомъ лѣтняго солнышка, или въ тишинѣ темно-синей звѣздной ночи, когда тамъ, гдѣ-нибудь, могучей волной разливается властный звукъ колокола, призывающій къ радостному торжеству молитвы и вѣры...

Все это показываетъ, какъ оба эти чувства—и чувство прекраснаго и чувство религіознаго—близки между собой, какъ первое сопутствуетъ и какъ бы служить послѣднему...

Но если такъ, если чувство религіознаго вполне уживается съ чуткостью къ прекрасному и даже крѣпнетъ подъ вліяніемъ ея, то, съ другой стороны, въ духовной жизни дѣтей, какъ и людей зрѣлыхъ лѣтъ, наблюдаются иногда такіе моменты, когда подъ обаятельными чарами природы какъ бы замираетъ религіозная жизнь, когда она какъ бы теряется и исчезаетъ въ чувствѣ прекраснаго. Таковы моменты нерѣдко наблюдаются, напримѣръ, во время школьныхъ паломничествъ и прогулокъ, о которыхъ у насъ была уже рѣчь ¹⁾, когда дѣти

¹⁾ Божія Нива №№ 38 и 39.

школь, на широкомъ просторѣ луговъ и лѣсовъ, какъ бы перестаютъ жить религіознымъ чувствомъ, и когда, слѣдовательно, путешествія и паломничества какъ бы утрачиваютъ для нихъ свой прямой религіозно-воспитательный смыслъ и значеніе...

Какъ же долженъ смотрѣть руководитель школяровъ на это дѣтское увлеченіе красотами природы и на это, хотя бы и мимолетное, исчезновеніе религіознаго чувства? Что же, спрашивается, дѣлать и нужно ли что-либо предпринимать для оживленія въ дѣтяхъ этого послѣдняго чувства, когда оно затушевывается другимъ, хотя бы и близкимъ ему, чувствомъ—чувствомъ прекраснаго? И эти вопросы не случайны. Они были предложены недавно на одномъ изъ собраній учителей и учительницъ московскихъ церковно-приходскихъ школъ ¹⁾. И здѣсь же, нужно замѣтить, въ собесѣдованіяхъ членовъ этого собранія были намѣчены общія, но не безъинтересныя точки отправленія для рѣшенія этихъ вопросовъ, каковое рѣшеніе можетъ послужить дополнительнымъ пунктомъ къ общему вопросу о школьныхъ паломничествахъ.

И прежде всего, что касается тѣхъ случаевъ, когда дѣти, и особенно дѣти городскихъ школъ, вырвавшіяся на просторъ цвѣтущаго, прекраснаго въ зелени травы и древесной листвы, міра, пораженныя его красотами, рѣзвятся и играя, увлекаются и этими долинками, и этими ручейками и рѣчками, и этими деревьями, то успокоительнымъ разъясненіемъ такого дѣтскаго настроенія можетъ служить слѣдующій поучительный фактъ, сообщенный намъ человѣкомъ, близко стоя-

щимъ къ школьному міру ¹⁾. Вотъ онъ. Дѣти одной церковной школы совершали паломничество, кажется, въ Саввинъ Звенигородскій монастырь, Московской губ. Дорогою малыши, дружной семейкой отправившіеся на богомолье, весело рѣзвились и беззаботно играли, перебѣгая съ полянки на полянку, отъ одного кустика къ другому. И полевые цвѣточки, и поля колосившейся ржи, и перелѣски—все это настолько завладѣло ихъ вниманіемъ, что, казалось, цѣль путешествія—посѣщеніе древне-русской обители отошла на задній планъ и совершенно испарилась изъ дѣтскихъ головокъ. Но вотъ почувялась уже и близость обители. Беззаботно веселья доселѣ личики дѣтей становились болѣе сосредоточенными. Природа, стало замѣтно, уже менѣе интересовала мальцовъ, вглядывавшихся вдаль. А вонъ надъ купами деревьевъ въ синевѣ прозрачнаго неба слегка блеснулъ золотой крестъ монастырскаго собора. Дѣти нѣсколько пріостановились и въ ихъ напряженныхъ взглядахъ можно было ясно прочесть, что мысли и чувства ихъ, еще такъ недавно увлекавшихся цвѣтущею природою, теперь были уже не среди нея, а тамъ за лѣскомъ, подъ сѣнію тихой обители. Дѣти быстро, почти въ перебѣжку, направились впередъ. И скоро предъ ними зарисовался силуэтъ обители. Завидѣвъ ее, кто-то изъ школяровъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. За нимъ потянулись для крестнаго знаменія руки другихъ сотоварищей. Потомъ, дѣтски-радостно переглянувшись, мальчуганы всѣ, какъ одинъ, быстро склонились на колѣни, и въ чувствѣ невыразимаго умиленія на-

¹⁾ 28 января 1905 г.

¹⁾ Московскимъ Епархіальнымъ наблюдателемъ А. Д. Италинскимъ.

чали молиться на виднѣвшіеся кресты монастырскихъ храмовъ... Не нужно быть слишкомъ большимъ знатокомъ дѣтской духовной природы, чтобы съ увѣренностію сказать, что никакія путевыя впечатлѣнія дѣтей, какъ бы они ни были сильны, не смогутъ отнять религиозно-воспитательнаго значенія у путешествій и паломничества, если только руководитель дѣтей какими-либо неумѣстными рѣчами и не сдержанно-шутливымъ или излишне строгимъ тономъ не видоизмѣнитъ или не понизитъ чистаго непосредственнаго дѣтскаго настроенія, если онъ не загрязнитъ чистоту дѣтской души. Чувство прекраснаго всегда цѣнно и дорого въ дѣтяхъ, какъ показатель ихъ общей духовной чуткости. И пусть труженикъ на нивѣ дѣтскихъ сердець не видитъ, подчасъ, осязательнаго проявленія въ маленькихъ паломникахъ ихъ религиозной вдумчивости и сосредоточенности—она всегда живетъ въ нихъ и неудержимымъ потокомъ прорвется наружу, лишь только явится для этого достаточный поводъ. Только что приведенный фактъ является лучшею иллюстраціею этого положенія.

Но, впрочемъ, если руководитель дѣтей и не долженъ смущаться тѣмъ, что лѣтнія путешествія и паломничества утрачиваютъ какъ будто бы, иногда, свой религиозно-воспитательный смыслъ и значеніе, если онъ можетъ не сомнѣваться въ благотворности той или другой прогулки, того или другого путешествія и паломничества—разъ оно властно пробудило въ нихъ любовь къ прекрасному, то съ другой стороны, онъ не долженъ пренебрегать, конечно, и возможными средствами, которыя будили бы въ дѣтяхъ не только чувство прекраснаго, но и чувство религиознаго. Средства къ

оживленію въ путникахъ-дѣтяхъ чувства прекраснаго всегда на лицо—въ окружающей ихъ природѣ. Не должно, въ ущербъ религиозно-воспитательной стороны путешествій, забывать и эту послѣднюю—нужны средства и для оживленія въ дѣтяхъ чувства благоговѣнія къ Творцу—Промыслителю. И вотъ что можетъ практиковаться, а въ нѣкоторыхъ школахъ давно уже и практикуется, въ видахъ одухотворенія путешествій и паломничества, въ видахъ подъема дѣтскаго религиозно-нравственнаго чувства. Это прежде всего пѣніе всѣми школярами на пути къ той или другой святынѣ наиболѣе извѣстныхъ церковныхъ пѣнопѣній. И такъ какъ большинство паломничества нашихъ школъ падаетъ на послѣпасхальное весеннее время, то въ подобныхъ случаяхъ вполне умѣстно пѣніе такъ любимаго школьниками и такъ знакомаго имъ пасхальнаго канона. И намъ въ лѣтнюю пору не однажды и лично приходилось наблюдать около великой обители преп. Сергія цѣлыя толпы школяровъ, которыя, направляясь къ ней, оглашали холмы и доли своимъ вдохновенно-увлекающимъ, даже и взрослыхъ путешественниковъ, пѣніемъ. Далѣе, часы путевого отдыха могутъ служить удобнымъ временемъ также и въ другомъ отношеніи. Въ теченіе ихъ руководитель дѣтей можетъ, время отъ времени, предлагать школярамъ путникамъ простыя назидательныя бесѣды въ духѣ евангельскихъ повѣствованій. Жизнь Спасителя во многомъ была жизнью среди природы и Его притчи и бесѣды съ учениками дышатъ какою-то особенною любовью къ природѣ: и къ полевымъ цвѣтамъ, и къ птицамъ, и къ нивѣ, и къ живой водѣ... Всѣ это было для Него знакомою областью, изъ которой Онъ бралъ Свои

удивительные образы. Всё это—и полевые цвѣты, и хлѣбныя нивы, и деревья, и рѣчки и ручейки—можетъ служить поводами для оживленія въ дѣтскомъ сознаніи наиболѣе извѣстныхъ евангельскихъ притчъ и сравненій, всё это внесетъ живость и религиозный интересъ въ путешествія и паломничества... Такъ, напримѣръ, около колосающейся ржи, то помятой и истоптанной при дорогѣ, то густо выбивающейся изъ земли въ мѣстахъ наибольшаго удобренія, то рѣдкой и тощей на глинистой и каменистой почвѣ, то поросшей полевой травой, можно напомнить дѣтямъ притчу о сѣятелѣ, сѣмени и плевелахъ съ присоединеніемъ такъ полезнаго дѣтямъ практическаго наставленія о бережномъ отношеніи къ трудовой нивѣ, заботливо вспаханной поселяниномъ. У рѣчки и ручейка можно вспомнить притчу Спасителя о живой водѣ и т. п. И съ этой точки зрѣнія находить себѣ полное оправданіе извѣстный намъ, хотя и очень рѣдко пока еще практикуемый въ нашихъ школахъ, слѣдующій способъ наблюденія надъ природою въ религиозно-воспитательныхъ цѣляхъ — способъ особенно умѣстный въ тѣхъ школахъ, которыя по дальности разстоянія или по какимъ либо другимъ неблагоприятнымъ условіямъ не могутъ совершать религиозныхъ паломничествъ. Эти прогулки одинъ хорошо извѣстный намъ труженикъ — учитель совершаетъ такимъ образомъ. Намѣтивъ тотъ или другой конечный пунктъ для своихъ маленькихъ путешествій, онъ подыскиваетъ предварительно подходящія къ случаю евангельскія повѣствованія, рассказы и стихотвореньицы, которыя потомъ и прочитываются самими-же дѣтками во время отдыха. И нужно замѣтить, что эти прогулки

совершались не только днемъ, но и раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ. Въ послѣднемъ случаѣ мальцы, отправлявшіеся на прогулки подъ руководствомъ своего учителя, запасались фонарикомъ и при свѣтѣ его читали на мѣстѣ остановки религиозно-назидательную литературу. При этомъ вечернимъ и утреннимъ прогулкамъ справедливо придавалось особо-важное значеніе, такъ какъ раннее предразсвѣтное утро и поздній вечеръ давали возможность наблюдать и восходъ и закатъ солнца, и появленіе и исчезновеніе росы, и появленіе на горизонтѣ звѣздъ и ночныхъ свѣтилъ. А сколько открывалось здѣсь поводовъ къ прославленію Творца, дивнаго въ Своихъ твореніяхъ! Сколько здѣсь представлялось случаевъ для объясненія дѣтямъ священныхъ образовъ, которыми такъ богато православно-русское церковное пѣснопѣніе, воспѣвающее и „зарю невечерняго солнца“ и „востокъ свыше“ и „тихий свѣтъ“, пришедшій на темный западъ естества нашего, и Зиждителя, осіявающаго небеса солнцемъ луною и звѣздами! И нужно ли говорить о томъ, какъ, дѣйствительно, благотворно должны вліять на дѣтей подобныя прогулки, какъ властно могутъ захватывать дѣтскую душу эти простыя, доступныя всякой школѣ, развлечения?!

И сколько бы труженики школъ внесли въ духовную природу дѣтей чистыхъ, отрадно - успокоительныхъ впечатлѣній, если бы они, развивая въ своихъ питомцахъ любовное чувство къ прекрасному, возвышали и одухотворяли это благородное чувство другимъ жизненнымъ религиознымъ чувствомъ, которое давало бы человѣческой личности радость и силу жизни при всѣхъ житейскихъ невз-

годахъ. Этому наилучшимъ образомъ и должны послужить паломничества

и путешествія нашихъ православно-русскихъ народныхъ школь.

Димитрій Введенскій.

Изъ дневниковъ наблюдателей.

Отрадный фактъ, какихъ не мало.

Вь одну изъ служебныхъ поѣздокъ я посѣтилъ село Березовку, Бобровскаго уѣзда, Воронежской епархіи, и посѣтилъ ее въ то время, когда изъ разныхъ мѣстъ земской Россіи доносились печальныя вѣсти о томъ, что многія земскія собранія прошлагодней сессіи постановили прекратить выдачу церковнымъ школамъ своихъ субсидій, считая школы эти неудовлетворительно поставленными въ учебномъ отношеніи. Противники церковныхъ школь упрекали ихъ въ томъ, что вліяніе на жизнь церковныхъ школь будто-бы очень слабо, что знанія усваиваются въ нихъ непрочно, и что вся школьная наука, изучаемая въ нихъ школярами, имѣетъ чрезвычайно мало приложенія къ жизни.

Говорилось также и о несочувствіи къ церковной школѣ со стороны простого народа, со стороны интеллигенціи, въ особенности этой послѣдней, какъ болѣе компетентной въ оцѣнкѣ школьнаго дѣла. Нужно признаться, что всѣ эти вѣсти по адресу сотенъ школь, разсѣянныхъ на широкомъ просторѣ родной земли, болью отзывались въ сердцѣ и сознаніи людей, близко стоящихъ къ церковно-школьному дѣлу и хорошо освѣдомленныхъ съ дѣйствительнымъ его положеніемъ.

Тяжело было читать и слышать, что церковную школу упрекали въ недостаточномъ будто-бы вліяніи ея на жизнь или, точнѣе сказать, въ совершенномъ отсутствіи этого влія-

нія,—упрекали именно въ томъ, въ чемъ заключается ближайшая и основная задача ея дѣятельности—воспитывать у дѣтей сознательную любовь къ отечеству, расположеніе и уваженіе не только къ современнымъ, гражданскимъ и общественнымъ его порядкамъ, но и къ тѣмъ историческимъ силамъ, которыя издавна вели наше отечество къ внѣшнему и внутреннему преуспѣянію и которыя заключаются въ православно-хрістіанской вѣрѣ, въ самодержавной власти и постоянномъ стремленіи народа служить незыблемой основой для этой власти въ видахъ своей гражданской независимости и нравственной самобытности. Подъ вліяніемъ этихъ упрековъ естественно назрѣвало у меня, пишущаго эти строки, желаніе воспользоваться первымъ встрѣтившимся фактомъ при осмотрѣ школь въ опроверженіе газетной клеветы и снять повязку съ глазъ безцеремонныхъ авторовъ, чтобы во-очію доказать имъ существованіе школь, заслужившихъ полное довѣріе и расположеніе простого народа, пользующихся широкимъ вниманіемъ людей интеллигентныхъ и твердо стоящихъ на прямомъ пути къ цѣлямъ не только умственного, но также нравственно-религіознаго и національно-историческаго просвѣщенія народа. Говорю: „воспользоваться первымъ встрѣтившимся фактомъ“ потому, чтобы не быть заподозреннымъ въ нарочито избранной

школѣ для доказательства живой и полной силы и вліянія на жизнь народа церковной школы. Я направлялся къ селу, зная, что здѣсь существуетъ ц.-пр. школа и твердо рѣшилъ использовать эту школу въ качествѣ перваго изобличителя преднамѣренности всякаго рода фактовъ, въ которыхъ будто-бы обнаружилась, по выраженію авторовъ газетныхъ статей, „голая, неприкрашенная дѣйствительность“ ц.-пр. школѣ, послужившая въ прошломъ году однако, нужно думать, не для одного земства фактическимъ мотивамъ къ отказу выдавать субсидію церковнымъ школамъ.

Село Березовка, куда я направлялся, — большое многолюдное. Кругомъ села степи, затишье. Множество мельницъ, опоясывающихъ кольцомъ село съ цѣлымъ лѣсомъ высоко торчащихъ крыльевъ, ясно указывая на характеръ и родъ занятій его обитателей, пріятно ласкали взоръ и свидѣтельствовали, что кормилица—земля щедро награждала сельчанъ за ихъ труды. Въѣзжаемъ въ село. Улицы широки; домики выглядятъ чисто, нарядно. Ямщикъ бойко направляетъ лошадей къ храму, зная заранѣе, что гдѣ-нибудь недалеко отъ него находится и церковная школа... Вотъ и храмъ... каменный, подъ масляной краской, съ прекрасной широкой оградой, съ небольшой, четырехгранной, покрытой сверху жестью, колокольней, въ среднемъ ярусѣ которой по четыремъ сторонамъ имѣются картины съ изображеніемъ, вѣроятно, мѣстно чтимыхъ святыхъ. Чувствуется, что домъ Божій хранится и содержится въ чистотѣ бдительнымъ и заботливымъ хозяиномъ.

„Добрая примѣта“,—подумалъ я, и моментально мысль о благоустройствѣ храма притянула къ себѣ другую,

сродную ей, мысль о благоустройствѣ школы... Какъ бы въ отвѣтъ на появившіяся въ головѣ думы, я увидѣлъ чистенькое, крытое желѣзомъ, съ приличной вывѣской, зданіе церковно-приходской школы, въ саженяхъ 30—40 отъ церкви. Вхожу въ школу. Занятія въ полномъ разгарѣ. Длинная комната, раздѣленная аркой на двѣ половины, наполнена дѣтьми; въ комнатѣ—классы. Вездѣ чисто, свѣтло и привѣтно. Въ переднемъ, „красномъ углу“, сіяетъ позолотой и свѣжестію красокъ большая (иконостасная) икона Святителя Митрофана, съ зажженной предъ ней лампадой, съ надписью внизу иконы „въ память 200-лѣтія блаженной кончины Святителя“. Съ правой стороны — другая икона въ кіотѣ свв. первоучителей словенскихъ Кирилла и Меѳодія. Передній уголъ напоминаетъ какъ бы частицу храма и распространяетъ отъ себя вѣяніе святости, невольно располагая всякаго, кто входитъ въ школу, осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. На срединѣ передней стѣны выдѣляются портреты Государя Императора и Государыни Императрицы и мѣстнаго архіепископа. Съ правой стороны отъ передняго угла красуется въ золотомъ багетѣ, художественно исполненный масляными красками, портретъ Царя-Освободителя; съ лѣвой — въ Бозѣ почивающій Возродитель церковной школы Государь Императоръ Александръ III-й. По стѣнамъ расположены картины изъ священной исторіи. Словомъ, внѣшняя обстановка школы производитъ пріятное впечатлѣніе и несомнѣнно благотворно дѣйствуетъ на учебныя занятія дѣтей, на ихъ настроеніе.

Въ школѣ 100 учащихся; учитель—мѣстный о. діаконъ изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи; помощни-

па — окончившая курсъ епарх. училища.

Учащіеся подраздѣлены на три группы; школа смѣшанная. При моемъ появленіи въ классной комнатѣ, дѣти встали и привѣтствовали глубокимъ почтительнымъ поклономъ.

Не желая прерывать урока, я расположился возлѣ одного бѣлокураго мальчугана, чтобы послушать занятія и вмѣстѣ съ тѣмъ присмотрѣться къ школьникамъ и классной дисциплинѣ.

Весело и оживленно шель урокъ объяснительнаго чтенія по русскому языку въ старшей группѣ. Бойкіе отвѣты, непринужденность, искрящіеся любознательностію глазки дѣтишекъ—все это, взятое вмѣстѣ, пробуждало въ душѣ хорошія чувства, добрыя мысли. Я видѣлъ предъ собою въ лицѣ молодаго о. діакона дѣловито-серьезнаго учителя, проникнутаго чувствомъ любви, справедливости и безпристрастія къ малышамъ, видѣлъ, что и дѣти, цѣня и понимая чуткимъ сердцемъ своимъ любовное къ нимъ отношеніе учащихъ, старались быть внимательными, послушными до вѣрчивыми. Кончился урокъ. Звонко и отчетливо прозвучали слова молитвы. Дѣти брали свои одежды въ передней и, не торопясь, безъ толкотни и возни, выходили на улицу. Не успѣлъ я сказать и нѣсколькихъ словъ съ учащими, какъ до слуха моего съ улицы донеслось веселое дружное „здравствуйте“ школяровъ; смотрю— всѣ дѣтишки, какъ одинъ человѣкъ, снимали шапки и привѣтствовали подѣхавшаго къ школѣ мѣстнаго попечителя. Не прошло двухъ — трехъ минутъ, какъ дѣти сидѣли уже опять на своихъ мѣстахъ и съ любопытствомъ посматривали на насъ въ ожиданіи, что прикажутъ имъ дѣлать. Они какъ будто догадывались, что при-

ѣзжій батюшка, въ присутствіи учащихся и попечителя, намѣревался произвести имъ экзамень, и поэтому поспѣшно доставали и раскрывали свои книжки.

Замѣтно было, что, дѣти, съ появленіемъ попечителя, пріободрились, повеселѣли. Я приступилъ къ занятіямъ. Учащіеся давали въ большинствѣ случаевъ толковые, осмысленные отвѣты на предлагаемые вопросы, при чемъ постоянно посматривали въ сторону попечителя. Это обстоятельство заинтересовало меня, и я сталъ наблюдать за попечителемъ. Оказалось, что онъ безъ словъ всѣмъ своимъ существомъ принималъ самое живое участіе въ отвѣтахъ учащихся, точно повѣрка успѣховъ въ познаніяхъ производилась не дѣтямъ, а самому почтенному попечителю: удачный отвѣтъ радовалъ его, неудачный безпокоилъ и волновалъ. Мнѣ стала очевидной внутренняя связь дѣтей съ попечителемъ: въ глазахъ малышей свѣтился огонекъ любви къ этому человѣку и искрилось страстное желаніе показать себя достойными похвалы, одобренія отъ горячо любившаго ихъ попечителя. Дѣти понимали, что за хорошіе отвѣты они получаютъ похвалу отъ него, и поэтому всѣми силами старались поддержать себя во мнѣніи любимаго человѣка разумными отвѣтами. Неудачный отвѣтъ товарища вызывалъ единодушное движеніе въ классѣ: какъ бы всѣ стыдились за то, что онъ „не знаетъ“, конфузить своимъ незнаніемъ себя, всѣхъ остальныхъ и — главное — попечителя. Излишне говорить, что такое отрадное явленіе во взаимоотношеніяхъ дѣтей и взрослога человѣка подало мнѣ поводъ полюбопытствовать узнать о существованіи въ сердцахъ дѣтей тѣхъ особенныхъ побужденій, которыя за-

ставляли учащихся съ такою любовію и уваженіемъ относиться къ попечителю. Закончивъ ревизію и, похваливъ усердіе учащихся, я повелъ бесѣду съ послѣдними по заинтересовавшему меня вопросу и узналъ слѣдующее.

Березовская школа обязана внѣшнимъ своимъ благоустройствомъ всецѣло мѣстному попечителю г. В. А.—чу Ж. До его попечительства церковная школа въ Березовкѣ помѣщалась въ небольшомъ, грязномъ помѣщеніи, приблизительно на 25—30 учащихся. Плохая была въ то время школа по внѣшнему своему виду, и по внутреннему строю. Но вотъ явился г. Ж. — человекъ истинно христіанскаго направленія, энергичный, съ здравымъ взглядомъ на вещи. Пропшелъ годъ. За это время усерднымъ попечителемъ былъ подготовленъ матеріалъ для расширенія пристройкой школьнаго зданія. Дружно закипѣла работа, и къ осени готово было новое зданіе школы. вмѣсто тѣсной грязной комнаты, получилось свѣтлое, просторное помѣщеніе, съ достаточнымъ количествомъ классной мебели и даже учительской каеэдрой. Двери церковной школы гостепрѣимно распахнулись для дѣтей.

Съ устройствомъ новаго зданія подъ школу совпало какъ разъ поступленіе въ Березовку молодого энергичнаго о. діакона. Это было счастливое для церковной школы сочетаніе лицъ и по энергіи, и по взглядамъ на церковно-школьное дѣло. Широкое поприще открывалось учителю и попечителю для совмѣстной дѣятельности въ глухомъ и безжизненномъ селѣ. Съ одобренія и разрѣшенія о. завѣдующаго, первымъ средствомъ къ улучшенію запущенной и непопулярной до сего времени среди мѣстныхъ крестьянъ церковной школы было при-

звано — устроить изъ школьниковъ хоръ для участія его въ церковныхъ богослуженіяхъ. Извѣстно, пѣніе составляетъ красоту православнаго богослуженія. Народъ нашъ любитъ церковное пѣніе и придаетъ ему высокое значеніе.

Школа имѣетъ въ этомъ пѣніи одно изъ самыхъ сильныхъ воспитательныхъ средствъ. Запечатлѣнное духомъ церковности, пѣніе привлекаетъ къ церкви и дѣтей, и родителей ихъ. Послѣдніе умиляются и торжествуютъ, видя своихъ дѣтей живыми участниками въ клиросномъ пѣніи на богослуженіи.

Будучи самъ любителемъ пѣнія, попечитель не замедлилъ откликнуться на благое дѣло, и въ сравнительно короткій періодъ времени былъ сформированъ изъ школьниковъ довольно солидный хоръ, съ участіемъ взрослыхъ пѣвчихъ. Немало потратилъ и теперь продолжаетъ тратить средствъ на усовершенствованіе церковнаго хора г. Ж., но затраты его вознаграждаются сознаніемъ высокой нравственной пользы благодѣтельнаго воздѣйствія пѣнія на прихожанъ, а также вполне заслуженною извѣстностію далеко за предѣлами села „прекраснаго, благоустроеннаго хора“.

Устройствомъ хора г. попечитель оказалъ крупную заслугу въ одинаковой мѣрѣ и школѣ, и храму. Благодаря участію школьниковъ въ клиросномъ пѣніи, а также и въ качестве чтецовъ и прислужниковъ въ алтарѣ, съ предоставленіемъ права лучшимъ изъ учениковъ надѣвать стихари, авторитетъ церковной школы значительно повысился во мнѣніи сельчанъ и прежнее равнодушное отношеніе ихъ къ школѣ смѣнилось искреннимъ стремленіемъ отдавать своихъ дѣтей „въ учебу“ въ ц.-пр.

школу. Въ отношеніи храма значеніе хора сказалося съ первыхъ же дней его участія въ богослуженіи. Въ праздничные дни храмъ въ Березовкѣ переполненъ молящимися; торжественное и благоговѣйное совершеніе богослуженія, полныя высокой поэзіи молитвы, пѣснопѣнія, трогательное и стройное пѣніе хора — все это увлекаетъ слушателя, открываетъ душу его молитвѣ, создаетъ въ ней свѣтлыя чувства, располагаетъ къ покаянiю сердца, пробуждаетъ молитвенное настроеніе.

Молящіеся стоятъ здѣсь чинно, благоговѣйно, безъ обычнаго въ сельскихъ церквахъ разговора, выходятъ изъ храма только по окончаніи службы. Говорю это по личному наблюденію, такъ какъ мнѣ не разъ приходилось присутствовать въ этомъ храмѣ при богослуженіи. А дѣти-школьники?—стройными рядами, подъ наблюденіемъ помощницы учителя, стоятъ они предъ солеей и созерцаютъ порядокъ совершенія службы и—кто знаетъ — это созерцаніе не воспитаетъ ли въ душѣ дѣтей любви къ Богу и молитвѣ, не раскроетъ ли предъ духовными очами невинныхъ сердець красоту и величіе богослуженія, не просвѣтляетъ-ли ихъ умъ мыслию о необходимости постоянного стремленія къ небу, къ Богу?! Благія послѣдствія первыхъ шаговъ въ дѣлѣ служенія церкви и школѣ какъ бы окрылили г. попечителя еще большею увѣренностію въ свои силы, и онъ смѣло перешелъ къ новому дѣлу. Поставивъ на должную высоту пѣніе церковнаго хора, г. Ж-скій не ограничился одною этою мѣрою, которая могла показаться, такъ сказать, не имѣющею непосредственнаго соотношенія къ церковной школѣ. Нужны были, по его мнѣнію, болѣе рельеф-

ные, болѣе осязательные факты для народа въ пользу добраго имени церковной школы и ея просвѣтительнаго значенія. Съ этою цѣлью попечитель выдѣляетъ изъ среды школьниковъ дѣвочекъ и организуетъ изъ нихъ специальный *женскій хоръ* съ тѣмъ, чтобы онъ участвовалъ въ пѣніи при служеніи акаѳиста св. Кресту, который служится въ Березовскомъ храмѣ, по обычаю, въ каждый воскресный день по окончаніи утрени. Хоръ этотъ я слышалъ, а также имѣлъ возможность слышать и отзывъ о немъ взрослыхъ. „Очень ужъ хорошо, батюшка,—разсказывалъ мнѣ старикъ,—распѣваютъ наши дѣвочки, и молятся какъ то хочется, слушая пѣніе ихъ; ранѣе, бывало, за акаѳистомъ однѣ только старухи стоятъ, а теперь церковь-то полна“. И дѣйствительно, храмъ былъ полонъ молящихся — явленіе необычное въ селѣ, такъ какъ обыкновенно народъ, по окончаніи утрени, выходитъ изъ церкви и нерѣдко, въ ожиданіи обѣдни, проводитъ время въ пустыхъ разговорахъ и даже забавахъ.

Кто знакомъ съ деревнею, тотъ знаетъ, какъ проводятся здѣсь праздничные дни. Обыкновенно, съ первымъ ударомъ колокола, народъ дружно стремится въ храмъ; въ селѣ обстоитъ въ утреннее время, до обѣда, все чинно и благопристойно. Кончится обѣдня, пообѣдаютъ,—и картина жизни села рѣзко измѣняется. Гульба, пѣсни, кулачные бои—все это столь же по-видимому необходимо нашему крестьянину въ праздничные дни, какъ и утреннее посѣщеніе храма.

Не представляла въ этомъ отношеніи исключенія собою и с. Березовка. Березовцы не знали, куда дѣвать и чѣмъ наполнить праздничный досугъ. Церковная школа и въ этомъ дѣлѣ приняла на себя инициативу доста-

вить взрослымъ разумныя и полезныя развлеченія.

Дружный кружокъ школьныхъ дѣятелей въ лицѣ о. завѣдующаго школой батюшки учащихъ и попечителя порѣшилъ устраивать въ праздничные и воскресные дни религіозно-нравственныя чтенія съ свѣтовыми картинами. На средства попечителя приобрѣтенъ былъ волшебный фонарь; картины для чтенія выписывались изъ братства свв. Митрофана и Тихона (въ Воронежѣ), а иногда изъ Воронежской комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Въ чтеніяхъ принималъ участіе и хоръ. Какъ и слѣдовало ожидать, чтенія внесли съ первыхъ же дней свѣжую струю разумнаго время—препровожденія въ среду народа, охотно начавшаго посѣщать чтенія. Кстати замѣтимъ здѣсь, что за послѣднее время наблюдается отрадное явленіе среди крестьянской женской половины—стремленіе къ грамотѣ, и при этомъ не безъ основанія нужно полагать, что толчокъ въ этомъ направленіи данъ женщинамъ-крестьянкамъ именно церковной школой, указавшей ей на главное ея назначеніе въ жизни — быть воспитательницей дѣтей. Чтенія въ Березовской школѣ имѣли особенный успѣхъ въ дни Великаго Поста, когда наплывъ слушающихъ былъ настолько великъ, что школьное зданіе не могло вмѣщать всѣхъ приходящихъ, и поэтому устроителямъ пришлось удѣлять на чтеніе еще одинъ изъ будничныхъ дней. Разумно и съ любовью поставленное дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: крестьяне видѣли въ предлагаемыхъ имъ чтеніяхъ пищу для души и охотно шли въ школу удовлетворять духовный голодъ. Дай Богъ, чтобы посѣянные на нивѣ сердецъ ихъ сѣмена расцвѣли въ пышный цвѣтокъ и дали

обильный плодъ! Дай Богъ, чтобы побольше было такихъ усердныхъ и преданныхъ св. Церкви и школѣ дѣятелей, и тогда не страшны будутъ враги національно-православной школы, напрасны будутъ и ихъ ухищренія оторвать народъ отъ колыбели православія, церковности!... Несомнѣнно, что сочувствіе и любовь крестьянина къ церковной школѣ были, есть и, нужно думать, будутъ неизмѣнны, какъ неизмѣнна любовь его къ храму Божію, предверіемъ котораго является эта школа,—нужно только умѣть затеплить въ сердцѣ народа вѣру въ искренность заботъ и попеченій о немъ со стороны лицъ, призванныхъ или желающихъ быть руководителями духовной его жизни, умѣть во-время подмѣтить его потребности и запросы души и удовлетворить ихъ разумнымъ путемъ.

Близкій къ народу, знакомый хорошо съ бытомъ и условіями трудовой жизни крестьянина, поддерживаемый примѣромъ ревностнаго отношенія къ дѣлу учительства молодого о. діакона и воодушевляемый теплымъ разумнымъ словомъ священника, г. попечитель вѣрующимъ своимъ сердцемъ понималъ все значеніе для народа *церковной школы*, какъ оплота земного его благополучія, какъ надежнаго моста, соединяющаго его съ Церковію, и всѣми силами чуткой своей души рѣшился содѣйствовать *этой* школѣ. И какъ бы хорошо было еслибы поболѣе было понимающихъ, что смыслъ начального школьнаго образованія крестьяниномъ цѣнится и опредѣляется не количествомъ знаній, сообщаемыхъ ученикамъ, а степенью развитія у нихъ высшихъ духовныхъ силъ, т. е. чтобы изъ школы выходилъ человекъ, который всегда твердо сохранялъ бы вѣру и любовь къ Богу и среди всѣхъ

обстоятельствъ жизни носиль-бы въ сердцѣ своемъ утѣшительное чаяніе блаженной вѣчности.

Чтобы нагляднѣе представить характеръ дѣятельности мѣстнаго помѣщика-попечителя, укажу еще на одинъ фактъ, имѣющій глубокое значеніе для школы.

23 Ноября 1903 г. въ Воронежѣ праздновали 200-лѣтній юбилей со дня блаженной кончины Св. Митрофана. Событіе, безъ сомнѣнія, важное для воронежцевъ въ смыслѣ духовно-нравственнаго его значенія. Церковь и общество ознаменовали юбилейный день рядомъ добрыхъ дѣлъ въ память о событіи будущимъ поколѣніямъ. Хотѣлось, чтобы и церковныя школы увѣковѣчили чѣмъ-либо этотъ день въ назиданіе своимъ питомцамъ.

На мой призывъ, обращенный къ попечителямъ пріобрѣсти и водрузить въ школахъ иконы Святителя, первымъ отозвался опять таки Василій Алексѣевичъ. Онъ пріобрѣлъ на свои средства икону Святителя во весь ростъ, хорошаго письма, съ лампадой, стоимостью до 100 руб. Икона эта теперь въ школѣ; предъ ней теплится во все время класныхъ занятій лампада; въ день 23 ноября положено совершать въ школѣ молебное пѣніе Святителю, съ акаѣистомъ.

Думается, что эта жертва служить самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ украшеніемъ школы, не какъ вещественный подарокъ, но какъ символъ молитвеннаго общенія дѣтскихъ сердецъ съ Угодникомъ, которому они ежедневно возносятъ свои молитвы о ниспосланіи имъ добраго ученія, и нужно вѣрить, что, по молитвамъ Святителя, Господь благословитъ и трудъ учащихся, и успѣхи учащихся.

Участливое и сердечное отношеніе учащихся и г. Ж—скаго къ дѣтямъ

не замедлило принести добрые плоды въ смыслѣ раскрытія богатой душевной сокровищницы малышей—школяровъ.

Вотъ примѣръ. Какъ только донеслись до школы слухи объ ужасахъ войны, о тысячахъ больныхъ и раненыхъ русскихъ герояхъ — воинахъ, дѣти единодушно сообразили о необходимости помочь чѣмъ-нибудь несчастнымъ страдальцамъ. Посыпались дѣтскія лепты на *общее дѣло*: кто несъ деньги, кто холстину, кто рубашку—и все, что было собрано, отослано на поле брани; мало этого, — дѣти просили попечителя *не устраивать* на минувшихъ святкахъ елки съ тѣмъ, чтобы деньги, потребныя для устройства ея, были опять таки посланы защитникамъ дорогого отечества! Конечно, желаніе дѣтей было удовлетворено.

Добрый плодъ отъ добраго дерева!..

Въ заключеніе не могу не отмѣтить еще одного обстоятельства, которое при благопріятныхъ условіяхъ можетъ имѣть немаловажное значеніе для с. Березовки—проекта открытія попечителемъ женской церк.-прих. школы. Разсуждая на эту тему съ г. попечителемъ, я былъ прямо удивленъ его заявленіемъ о томъ, что помѣщеніе для проектируемой школы уже готово, и дѣло остается только за мѣстнымъ Отдѣленіемъ со стороны официальнаго разрѣшенія на открытіе школы и назначенія сюда учительницы. Попечитель предложилъ мнѣ осмотрѣть помѣщеніе. Оказалось, что къ зданію церковной караулки пристроена для будущей школы просторная и свѣтлая комната, рассчитанная на 30—40 дѣвочекъ. Я былъ въ восхищеніи отъ энергичнаго попечителя. Маленькая подробность: въ то время, когда мы шли осматривать помѣщеніе, я обра-

тиль вниманіе на прекрасное, новой архитектуры, огромное зданіе земской школы, находящейся также не вдалекѣ отъ храма, и задалъ вопросъ попечителю: нужна-ли въ Березовкѣ будетъ женская школа при существованіи благоустроенной двухкомплектной земской школы, могущей вмѣстить до 200 дѣтей?

Попечитель отвѣчалъ: „зданіе земской школы безусловно прекрасное и благоустроенное, но учащихся тамъ менѣе, чѣмъ въ нашей ц.-прих. школѣ; хвалиться не будемъ, но долгомъ считаемъ сказать вамъ, о. наблюдатель, что народъ нашъ (березовцы) повидимому больше тяготеютъ къ ц. школѣ, чѣмъ къ земской, — и если бы это зданіе принадлежало намъ а настоящее наше имѣ, то, пожалуй, въ земской школѣ и совсѣмъ не было-бы учащихся!“

Комментировать эти слова представляется противникамъ церковныхъ школъ.

Съ хорошими, свѣтлыми чувствами оставилъ я Березовку и подѣ вліаніемъ только что пережитыхъ впечатлѣній думалось мнѣ, что церковныя школы, руководимыя преданными дѣду лицами, быстро и прочно завоевываютъ народныя симпатіи, отвѣчая своимъ строемъ и направленіемъ потребностямъ вѣрующаго сердца русскихъ людей.

Чтобы ни говорили противники этой школы для униженія ея во мнѣніи

народа, она, церковная школа, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе располагаетъ къ себѣ населеніе и пользуется безусловнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ крестьянъ, — пользуется этимъ довѣріемъ по праву русско-національной, православной школы, имѣющей своею задачею отучить ихъ дѣтей отъ всего худого и приучить къ доброму и полезному: быть мудрыми духомъ, разсудительными въ поступкахъ, благочестивыми сердцемъ. Къ сожалѣнію, очевидные успѣхи церковной школы возбуждаютъ въ недоброжелателяхъ ея опасеніе и инстинктивный страхъ за конечное торжество ея въ глазахъ простого народа, послѣдствіемъ чего и является искусственно раздуваемый антогонизмъ между школами, которыя, казалось бы, должны быть родными сестрами на обширной нивѣ просвѣщенія народа. Средствомъ въ борьбѣ съ церковною школою въ настоящее время избранъ *рубль*, или, говоря прямо, грубая физическая сила, которая должна раздавить, уничтожить бѣдную средствами церковную школу. Можетъ быть въ неравной борьбѣ *рубль* и восторжествуетъ, но не будетъ ли это торжество равносильно пораженію, когда грубой физической силѣ церковная школа противопоставитъ нравственное свое величіе?

Свящ. В. Васильевъ.

1905 г. 2 февраля

г. Бобровъ, Ворон. Епархіи.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

23 Января. Провѣряя сегодня книги для чтенія школьной бібліотеки, я

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 39.

не досчитался нѣкоторыхъ книгъ, въ томъ числѣ и „Народной поэзіи“. Онѣ были на рукахъ. По записи я увидѣлъ,

что „Народная поэзія“ такой же странникъ, какъ „Москва“ и „Училище благочестія“: рѣдко, да и то не долго, покоится она подъ роднымъ кровомъ шкафа съ своими подругами. Маленькіе потомки славянъ, подвиги которыхъ символически изображены въ прекрасныхъ поэтическихъ строкахъ былины, не даютъ покоя этой книжечкѣ: вѣчно она коптитъ въ дымныхъ хатахъ мужичковъ, громко повѣствуя о древнихъ богатыряхъ—символахъ молодецкой удали, отваги и военныхъ доблестей сыновъ могучей Руси времянь славнаго князя Владимира и переноса мысли маленькихъ чтецовъ въ

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой“...

И надобно замѣтить, что чтеніе подобныхъ книгъ производитъ на дѣтей глубокое, неизгладимое впечатлѣніе: имъ хочется быть такими же богатырями, и они часто съ увлеченіемъ рассказываютъ другъ другу о военныхъ подвигахъ того или другого богатыря, представляя изъ себя какъ бы дѣйствующее лицо былины. При этомъ глаза ихъ блещутъ какимъ-то особеннымъ блескомъ, личико покрывается краской и горитъ воодушевленіемъ.

Разсказъ сопровождается уморительными жестами рукъ и ногъ и торжественными восклицаніями въ родѣ слѣдующаго: „Э-эхъ, какъ онъ его звизданеть по головѣ (богатырь своего врага), даже въ горахъ отдалось!“ и самъ разсказчикъ даже и рукой покажетъ, „какъ онъ его звизданеть“.

Смѣхъ, право, разбираетъ меня, когда я въ своей комнаткѣ слушаю эти разсказы. Это въ школѣ. А дома-то, вѣроятно, сколько такихъ разсказовъ и подражаній богатырямъ! Сужу по себѣ: будучи девятилѣтнимъ школьникомъ и читая подобныя былины, однажды я

задумалъ изобразить изъ себя... Илью Муромца. Сдѣлалъ себѣ лукъ (дубовая палочка, стянутая бечевой) и стрѣлу (тоненькій прутикъ), обрубкою ржаного снопа олицетворилъ Соловьемъ - разбойникомъ, поставилъ его на печной столбъ, представляя послѣдній гнѣздомъ Соловья на семи дубахъ, и принялся стрѣлять въ него изъ своего лука. Послѣ не малыхъ усилій съ моей стороны мнѣ удалось-таки спвырнуть „Соловья“, который попалъ прямо въ лохань. Я извлекъ его оттуда, привязалъ „къ сѣдлу“ (палочкѣ на которую я возѣлъ) и принялся волочить трофей своей побѣды по избѣ, и до тѣхъ поръ тиранилъ бѣднаго „Соловья“, пока не надоѣлъ домашнимъ своимъ шумомъ и возней, за что и вынужденъ былъ прекратить свои подвиги.

Чему-чому не подражаетъ впечатлительная натура ребенка! Но на насъ, учителей, лежитъ священная обязанность чутко слѣдить за этими подражаніями, навѣваемыми на дѣтей чтеніемъ книгъ. Хорошая книга вызоветъ у дитяти и подражаніе, соответствующее своему содержанію, а плохая книга, не подходящая къ чистому дѣтскому сердцу, вызоветъ и подражаніе нежелательное, засоритъ свѣтлую душу ребенка пагубнымъ сѣменемъ дурныхъ наклонностей.

29 Января. Скверный обычай дракъ укоренился въ нашемъ селѣ еще со времени далекой старины и усердно поддерживается обывателями. Время, начиная съ Крещенія и кончая масленицей, есть своего рода зимній сезонъ для этихъ дракъ. Онѣ бываютъ почти каждый вечеръ. Не успѣетъ хорошенько смеркнуться, не истухнетъ еще вечерняя заря, а ужъ улицы села потрясаются громкимъ крикомъ сотенъ голосовъ: „Да-ва-а-а-й!“ Это—сигналь

къ начатію дракъ. Сердце надрываютъ эти крики. И грустно становится за своихъ собратьевъ, погрязшихъ во тѣмъ невѣжества до того, что они считаютъ лучшимъ для себя увеселеніемъ и лучшей забавой—гузить другъ друга кулаками, и вмѣсто того, чтобы пользоваться вечернимъ отдыхомъ или употребить это время на болѣе благородное занятіе (чтеніе полезныхъ книгъ, занятіе какимъ-либо ремесломъ и др.), выходятъ на улицу и въ бесполезной болтовнѣ и грубой забавѣ проводятъ цѣлую ночь. Тутъ и ругань, и сквернословіе, и хвальба, и угрозы свиваютъ себѣ гнѣздо, дѣлая людей иногда врагами между собою—на всю жизнь, насердниками и мстителами изъ-за пустяковъ.

— Подожди, и я не забуду этого,— потрясая кулакомъ по направленію къ враждебному лагерю, восклицаетъ одинъ солдатъ-кавалеристъ съ вышибленнымъ зубомъ и съ окровавленнымъ лицомъ.—Онъ меня лежа ударилъ, пинкомъ! Ну погоди-же...—Слѣдуетъ отборная ругань. И это все слышать стоящія тутъ же дѣти, слышать и... назидаются, обѣщая быть такими же драчунами, какими ихъ отцы, братья и дяди.

Заслышавъ иногда шумъ этой драки, смѣшанный съ ругательствами и дикимъ ревомъ, я невольно привожу на мысль отдаленныя времена нашей отчизны, когда предки наши, не будучи просвѣщены ученіемъ Хріста, также вели между собою подобныя драки, перешедшія отъ нихъ, какъ наследіе, и въ нашъ вѣкъ.

1 Февраля. Сегодня только что я успѣлъ починить себѣ валеные сапоги (нужда выучила меня съ грѣхомъ пополамъ и этому искусству), которые по выраженію моего отца „давно ѣсть хотѣли“, входитъ ко мнѣ

въ каморку мой хозяинъ и говорить: „вы, кажется, къ нашимъ въ моленную хотѣли нынѣ сходить? Такъ ступайте же скорѣе, не то опоздаете: тамъ, слышь, собрался ужъ народъ-отъ“.

Я собрался и побѣжалъ. Моленная была уже полнымъ-полна народомъ. Чтецовъ и пѣвцовъ хоть отбавляй. „Служили“ такъ громко, что, я полагаю, на гумнахъ было слышно. Читали большею частію мальчишки изъ моихъ школьниковъ. Читали отлично, голоса все звонкіе да чистые. Слушая это чтеніе, я грустно поникъ головой и подумалъ: „эхъ, дѣти, дѣти! Какою горечью наполняется мое сердце, когда я слышу ваше чтеніе здѣсь, куда вы приведены вашими самовольно отторгшимися отъ Св. Церкви отцами! Ваши чистыя, еще невинныя сердца, къ сожалѣнію, привыкаютъ раздѣлять самочиніе руководителей раскола, руководителей невѣжественныхъ, грубыхъ, фанатичныхъ.“

„На это ли я училъ васъ?“

„Какъ мнѣ было бы радостно, если бы ваши серебристые голоса раздавались подъ сводами храма Божія, если бы вы стояли съ часословомъ въ рукахъ не предъ закопченою стѣною старой избы, но предъ престоломъ церковнымъ, предъ отверстыми царскими вратами“.

Хотя изъ моленной я и всегда выношу тяжелое впечатлѣніе, а сегодня тѣмъ болѣе.

По отходѣ „вечерни“ раскольники пригласили меня въ избу хозяина моленной, но бесѣды у насъ не состоялось, потому что главные защитники раскола поспѣшили домой, ссылаясь на предпраздничное время, да и „вечерня“-то отошла поздно.

9 Февраля. Сегодня ко мнѣ приходилъ одинъ старичокъ, принадлежащій къ числу богатыхъ раскольниковъ,

и просилъ меня написать ему письмо къ одному своему родственнику, проживающему на заработкахъ.

Старикъ оказался словоохотливымъ, разговорчивымъ, но, къ сожалѣнію, неграмотнымъ.

Когда письмо было готово, онъ бережно завернулъ его въ платочекъ и, положивъ за пазуху, сказалъ: „А у меня къ тебѣ есть еще одна просьба“.

— Какая?—спросилъ я.

— Да вотъ „покалipsisъ“ ты бы мнѣ почиталъ, благо теперь время-то для тебя порожнее (дѣло было послѣ обѣда).

— Это я сдѣлаю для тебя, дѣдушка, съ удовольствіемъ,—сказалъ я:—только вѣдь старопечатнаго у меня нѣтъ.

— Ну, „свой“ читай, я думаю все равно вѣдь это.

— Конечно все равно,—говорю я дѣду и, взявъ біблію, началъ читать Апокалипсисъ.

Старикъ слушалъ внимательно. Когда я началъ читать 12 главу, вижу—дѣдушка все ниже и ниже поникаетъ головой, издавая глубокіе вздохи. И не успѣлъ я произнести словъ: „итакъ, веселитесь, небеса, и обитающіе на нихъ! Горе живущимъ на землѣ и на морѣ! Потому что къ вамъ сошелъ діаволь въ сильной ярости“... какъ дѣдушка мой горько зарыдалъ, словно малый ребенокъ, повторяя: „горе, горе живущимъ на землѣ“...

Когда чтеніе было окончено, я спросилъ старика, о томъ, что было причиною его слезъ.

Дѣдка отвѣчалъ: „ты слышишь, что тамъ (въ книгѣ) говорится: горе, горе живущимъ на землѣ. А кому это горе? Намъ, людямъ, а особенно мнѣ грѣшному. Пропала моя душа совсѣмъ!“

— Ты, дѣдушка, напрасно отчаиваешься: Господь милостивъ; Онъ не

дастъ тебѣ погибнуть,—утѣшалъ я старика.

— Господь-то не дастъ погибнуть, да мы сами себя губимъ, а я давно уже сгубилъ себя: лѣтъ сорокъ тому назадъ. И теперь вотъ сталъ ни то, ни се: ни православный, ни раскольникъ. Развѣ это не гибель?

— Неужели ты не старообрядецъ, дѣдушка?—спросилъ я.

— Оно слыву-то старообрядцемъ, да въ душѣ-то у меня не то...

— Тогда возвратись опять въ православіе,—посоветовалъ я.

— Совѣсть убиваетъ. Вѣдь сорокъ лѣтъ не былъ въ церкви-то! Шуткали? Съ какими же глазами я пойду-то туда? Что народъ-отъ православный скажетъ?..

— Ничего не скажетъ,—говорю я:—но радоваться будетъ твоему обращенію.

— Оно такъ... да нѣтъ, самому-то больно совѣстно.

— Да ты послушай, дѣдушка, вѣдь ты убѣжденъ въ томъ, что кромѣ Церкви Божіей нѣтъ нигдѣ спасенія?—спросилъ я.

— Это вѣрно... Что вѣрно, то вѣрно... нигдѣ нѣтъ...—отвѣтилъ старикъ и добавилъ:—такъ, я слышалъ, и въ книгахъ святыхъ писано.

— Такъ чего же тебѣ бояться-то? Святые мученики не то терпѣли, чтобы спасти свою душу. Да чего—тебѣ и совѣститься-то? Вѣдь ты не укралъ чего-либо.

— Н-н...ѣтъ, все какъ то того... неловко... Сорокъ лѣтъ не былъ и вдругъ...—твердилъ старикъ и неожиданно воскликнулъ:—Эхъ, Ворона, Ворона! Все ты, Ворона, надѣлалъ!

Я спросилъ старика, кто это такой Ворона.

— Это мужикъ нашъ, который перевелъ меня изъ Православія въ ста-

ровѣрство. Онъ умеръ уже давно. При жизни же своей онъ много народу соблазнилъ въ свою вѣру. Ворона въ свое время былъ главнымъ воротилой въ раскольническомъ міру. Не будь его, такъ и старообрядчество въ нашемъ селѣ такъ не расплодилось бы. Бывало, если несеть баба младенца въ церковь причащать, Ворона выбѣжитъ изъ моленной, отниметь у бабы ребенка, да и кричить: „куда ты идешь, глупая? Вѣдь ты спѣшишь прямо къ антихрісту. Воротись! Я не дамъ тебѣ губить младенца“. Такъ, бывало, и не пустить женщину въ храмъ-то Божій, а ведетъ прямо къ себѣ въ моленную.

„Вотъ и меня-то этотъ Ворона соблазнилъ. Бывало, то антихрістомъ пугаетъ, то Церковь хулить начнетъ, то православныхъ осуждать да порицать: то-то де они дѣлають не такъ, и это не по закону, а надо вотъ какъ и вотъ какъ. Ну, я въ это время былъ молодой, неопытный, да еще безграмотный, поэтому и повѣрилъ бреднямъ Вороны, повѣрилъ и передался въ старовѣрство, къ Воронѣ, стало-быть, перешелъ“...

Дѣдъ помолчалъ немного, а потомъ продолжалъ:

— Перейти-то, родимый, перешель, а толку-то тамъ не нашель: оказалось, что меня Ворона-то обмануль.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Да такъ, — отвѣчалъ мой рассказчикъ: онъ — говорилъ мнѣ, что только въ „старой вѣрѣ“ можно получить спасеніе души: мы-де и молимся истово, посты соблюдаемъ строго, однимъ словомъ—чисты душою и тѣломъ, а оказалась, что все это ложь. Походилъ я къ нимъ лѣтъ пятокъ и узналъ всю ихъ жизнь. Крестить у нихъ Мишка, вѣнчаетъ Гришка, причащаетъ Трошка, а хоронить Прошка... И выходитъ, что кто пострѣль, тотъ

и поспѣль, да съѣль. А развѣ это законъ?.. Насмотрѣвшись на все это вдоволь, я и сталъ „сумлѣваться“ въ святости этой старой вѣры. Въ моленную сталъ ходить порѣже. Одинъ разъ мы съ кумомъ своимъ, который въ это время былъ уставщикомъ у насъ, сидѣли въ кабацѣ и, конечно, выпивали. Вотъ приходитъ къ намъ одинъ мужичокъ изъ старовѣровъ и просить кума причастить жену. Кумъ отослалъ мужичка впередъ, а самъ пошелъ послѣ, пригласивъ съ собой и меня. Я пошелъ.

— „Кумъ, а гдѣ же у тебя причастье-то?“ спросилъ я уставщика.

— „За голенищей“, отвѣчаетъ онъ. „Я думалъ, что онъ смѣется и тоже въ шутку сказалъ: „А ну-ка покажи“.

„Куманекъ нагнулся и вправду вытащилъ изъ-за голенища сапога бутылочку съ причастьемъ.

„У меня даже мурашки по тѣлу забѣгали.

— „Такое у васъ причастье-то“, подумалъ я.

— „Кумъ, а что если я заболѣю, тоже и ко мнѣ принесешь ты за голенищемъ эту бутылочку?“—спросилъ я уставщика.

— „А то чего же тебѣ“,—отвѣтилъ онъ.

„Я остановился, махнулъ рукой и повернулся назадъ, думая итти домой. Кумъ было меня останавливалъ и такъ и сякъ; нѣтъ, я такъ и ушелъ домой. Съ этихъ поръ отъ моленной словно меня кто отходилъ.

Вотъ уже и въ ней тридцать пять лѣтъ не былъ“.

— Такъ никуда и не ходишь въ праздникъ-то?—спросилъ я.

— Нѣтъ; въ церковь не смѣю, а въ моленную голову отруби—не пойду, потому, постыла она мнѣ съ ея уставщиками.

Я только головой покачалъ, слушая старика.

Онъ замѣтилъ, что его разсказъ удивилъ меня, и говоритъ: „ты думаешь я одинъ „такъ-то“ живу? Нѣтъ: въ селѣ еще кромѣ меня человѣкъ двѣсти, а то и побольше „такихъ“ наберется. Вотъ хоть-бы“...

И дѣдка насчиталъ мнѣ сразу съ полсотни лицъ не принадлежащихъ ни къ православію, ни къ расколу.

— Что-же, ужели вы всѣ такъ и умрете ни православными, ни раскольниками?—спросилъ я старика.

— А Богъ знаетъ, — сказалъ онъ вставая, и, поблагодаривъ меня за чтеніе, поспѣшилъ домой, произнося на ходу: „эхъ, горе, горе живущимъ на землѣ“...

Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ и только развелъ руками.

Е. Нулиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСТЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XL.

Исторія одной школы.—Размѣры ея дѣятельности въ предѣлахъ самой школы и окрестнаго населенія.

Многіе ли имѣютъ понятіе о томъ, какъ возникаютъ обыкновенно наши церковныя школы, сколько труда, хлопотъ и энергіи требуется на то, чтобы поставить ихъ на ноги и пустить на „первый шагъ“, и далѣе—на столь сложное и отвѣтственное дѣло просвѣщенія народнаго въ духѣ его исконныхъ завѣтовъ и потребностей.

Вотъ, напримѣръ, обстоятельства открытія женской церковно-приходской школы съ церковно народною библіотекою при ней, въ с. Солонцахъ, Полтавской губ. (Кобелякского у.).

Шестнадцать лѣтъ назадъ (въ 1889 г.) устроенъ въ с. Солонцахъ храмъ Божій въ честь свв. ап. Петра и Павла. Постройка церкви сопровождалась большими затрудненіями, наличныхъ денегъ при постройкѣ было немного; *ближайшее начальство, особенно волостное, всячески затрудняло и тормозило это доброе дѣло* (вотъ вамъ и толкуй, что наша церковь *господствующая* и что у насъ сектантамъ да расколь-

никамъ житья нѣтъ отъ ней!). Несмотря на все это, благодаря особенной энергіи уполномоченныхъ, храмъ Божій былъ оконченъ и 6 Ноября 1889 г. освященъ. И пустынная степная мѣстность начала оглашаться колокольнымъ звономъ. Религіозная жизнь прихожанъ стала процвѣтать и замѣтно улучшаться. Сами прихожане замѣчали справедливо, что съ устройствомъ церкви они „переродились“.

Черезъ три года по освященіи церкви причтъ рѣшилъ открыть церковную школу грамоты. 19 Окт. 1892 г., помолясь Господу Богу, было приступлено къ занятіямъ. Въ школу записалось 28 мальчиковъ. Помѣщеніемъ для школы служила комната въ квартирѣ псаломщика. Учебниками, довольно скупо, снабдило мѣстное Уѣздное Отдѣленіе Епарх. Учил. Совѣта, письменныя принадлежности ученики были вынуждены покупать сами. Несмотря на всю скудость обстановки, занятія въ школѣ шли съ успѣхомъ и вызывали одобреніе посѣтителей. Черезъ три года школа могла

уже выпустить 5 учениковъ со свидѣтельствомъ на льготу IV разряда ¹⁾). Позже школа перешла въ наемное помѣщеніе, сырое, холодное и неудобное, но и здѣсь она съ полнымъ успѣхомъ творила свое великое дѣло. Школа уже далеко не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться и многимъ отказывали въ приѣмѣ. Благодаря прекрасной постановкѣ церковнаго пѣнія, школа привлекла къ себѣ вниманіе прихожанъ.

Мѣстный приходскій священникъ и отецъ діаконъ неутомимо трудились надъ образованіемъ церковнаго хора, и труды ихъ имѣли осязательный успѣхъ. Симпатія къ школѣ возрастали, но, какъ почти во всякомъ добромъ дѣлѣ, явились препятствія, которыя затормозили устройство собственнаго церковно-школьнаго дома.

Въ такомъ видѣ дѣло стояло до конца 1900 года, когда интересъ къ устройству собственнаго школьнаго дома началъ оживляться. Прихожане охотно выражали свое желаніе оказать пособіе въ дѣлѣ доставки матеріаловъ. Пришло на помощь и Кустоловское сельское общество, отпустившее 100 руб. Мѣстный Владыка разрѣшилъ употребить изъ остаточныхъ церковныхъ суммъ 750 руб., мѣстное отдѣленіе изъ суммъ Св. Синода отпустило 150 руб. и на устройство классной мебели изъ своихъ средствъ—50 руб. Достопочтеннѣйшій великій благодѣтель и молитвенникъ земли Русской Кронштадскій протоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ прислалъ 100 руб. Такимъ образомъ составилось 1150 руб. На эти деньги и была произведена постройка.

Въ день Вознесенія Господня, 10 Мая 1901 г., состоялась торжественная закладка школьнаго зданія. Дружно взялись за работу и къ началу Ноября школьный домъ былъ готовъ, несмотря на то, что

одновременно шли другія неотложныя работы по церкви, потребовавшія много средствъ и труда.

Школьный домъ, устроенный на церковной площади, имѣетъ размѣромъ 25×16×4½ арш. и рассчитанъ на 60 ученицъ. Теплымъ корридормъ (онъ же и раздѣвальная), проходящимъ чрезъ всю ширину дома, послѣдній раздѣляется на двѣ половины: съ правой—двѣ теплыхъ свѣтлыхъ и сухихъ классныхъ комнатъ (16×12×4½ ар.), соединенныхъ между собой девяти-аршинной створчатой дверью: при надобности (для внѣ богослужебныхъ собесѣдованій, спѣвокъ, собраній прихожанъ и т. д.) эти комнаты легко могутъ быть соединены въ одно помѣщеніе. Въ переднихъ углахъ классныхъ комнатъ находятся иконы: Спасителя, благословляющаго дѣтей, Введенія во храмъ пресвятыя Богородицы и св. Равноапостольныхъ Кирилла и Меодія—прекрасной работы художника А. К. Кульчицкаго. Стѣны классныхъ комнатъ украшаютъ портреты—Государя и Государыни, Преосвящ. Иларіона, Епископа Полтавскаго, и карты странъ свѣта и Палестины. Имѣются также: портретъ достопочтеннѣйшаго протоіеря о. Іоанна Сергіева, и 50 картинъ священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, изданія Сидорскаго и Комп.—Лѣвая сторона школьнаго дома раздѣляется на кладовую, кухню (она же сторожка), комнату учительницы и комнату церковно-народной бібліотеки. Всѣ комнаты изобилуютъ свѣтомъ и имѣютъ достаточное количество необходимой мебели.

8 Ноября 1901 года состоялось распоряженіе Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта о переименованіи школы грамоты *въ церковно-приходскую*.

Въ день воспоминанія двѣнадцатой годовщины освященія приходскаго храма (6 Ноября), ученицы переехали изъ наемной квартиры въ новый школьный домъ, а 25 Ноября при участіи тѣхъ же лицъ, которые совершали закладку, совершено

¹⁾ За все время существованія школа выпустила 23 мальч., дѣв. 2, всего 25.

освященіе новаго школьнаго зданія при большомъ стеченіи народа. Божественную литургію и все положенное въ чинѣ освященія пѣли дѣвочки, пѣли просто, но стройно. Во время причаства приходскій священникъ сказалъ соотвѣтствующее случаю слово.

Съ крестнымъ ходомъ всѣ молящіеся направились въ новое помѣщеніе школы, гдѣ былъ совершенъ „чинъ освященія дома“. По возгласеніи обычныхъ многолѣтій, Епархіальный Наблюдатель обратился къ прихожанамъ съ глубоко-прочувствованной рѣчью. Обративъ вниманіе на школьныя иконы: Спасителя, благословляющаго дѣтей, и Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, проповѣдникъ сказалъ, что изображенныя событія являютъ собой программу школьной дѣятельности: „тутъ сказано все, чему должны учить учащіе и чему учатся учащіеся“. При цѣлованіи креста, послѣ отпуска, присутствующимъ раздавались Троицкіе и Аѳонскіе листки, религіозно-нравственныя брошюры, крестики и просфоры.

Всякая добрая школа незамѣтно устанавливаетъ невидимую, но крѣпкую связь съ населеніемъ. Чѣмъ лучше школа, тѣмъ крѣпче эта связь, тѣмъ болѣе любитъ школу народъ. Кромѣ школьнаго обученія, связь устанавливается благодаря тѣмъ „вспомогательнымъ“ учрежденіямъ, которыя обычно существуютъ при школѣ. При Солонцовской школѣ организовано слѣдующее:

1) *Церковно-народная бібліотека*, которая является вѣрной союзницей школы. Научивши дѣтей грамотѣ, школа должна позаботиться объ ихъ развитіи. Жажда знаній и стремленіе къ самообразованію часто заявляетъ о себѣ и въ простомъ народѣ и проявляется особенно въ чтеніи книгъ. Грамотей набрасывается на всякую книгу и брошюрку, съ жадностію читаетъ ее. Долгъ школы—удовлетворить этой духовной жаднѣ. Заботу объ этомъ приняли на себя въ послѣднее время Комитеты Попечитель-

ства о народной трезвости и земство, учреждающее при многихъ народныхъ училищахъ бібліотеки, но они отводятъ послѣднее мѣсто религіозно-нравственному отдѣлу, который обычно составляетъ 10%—18% общаго количества книгъ¹⁾. Ясно, что жажда духовной пищи не удовлетворяется, такъ какъ народъ интересуется почти исключительно книгами религіозно-нравственнаго содержанія. При устроеніи школы имѣлась въ виду эта потребность народа, и заботы приходскаго священника были направлены на снабженіе юной школы бібліотекой. На это доброе дѣло откликнулись и прислали пожертвованія книгами: Русскіе на св. Аѳонѣ монастыри: Пантелеимоновъ, Андреевскій и Ильинскій, Начальникъ Оптина Скита, Старецъ Иеромонахъ Іосифъ, Духовный соборъ Кіево-Печерской Лавры, Духовный соборъ Успенско-Почаевской Лавры, Общество распространенія духовнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви въ г. Москвѣ, Императорское Православное Палестинское Общество, редакція почтеннаго духовнаго журнала „Душеполезное Чтеніе“, Издательская Комиссія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, Харьковскій Комитетъ грамотности и др. Всего пожертвовано 1200 отдѣльныхъ томовъ на сумму свыше 600 руб. Кромѣ сего, въ церковной бібліотекѣ имѣется 537 отдѣльныхъ томовъ. Всего же бібліотека располагаетъ 1737 томами на сумму свыше 1000 руб. Въ бібліотекѣ имѣются всѣ изданія Синодальнаго Училищнаго Совѣта, полное изданіе „Приходской бібліотеки“ В. И. Шемякина, всѣ вышедшіе въ свѣтъ листки: Троицкіе, Аѳонскіе, Воскреснаго Дня и Почаевскіе (наиболѣе понятное и любимое народомъ чтеніе), полное собраніе твореній св. Тихона Задонскаго. Имѣется достаточное количество книгъ по церковному пѣнію, всѣ сочиненія Преосвященнѣйшаго Епископа Теофана, затворника

¹⁾ Полт. Епарх. Вѣд., ч. неоффиц., 1900 г. № 7, стр. 278.

Вышенскаго, портретъ коего украшаетъ библиотечную комнату. Есть и книги по сельскому хозяйству, пчеловодству, а также беллетристическія, но ихъ не болѣе 15⁰/. Въ библиотеку поступаюгъ журналы, кромѣ официальныхъ — „Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей“, — „Странникъ“ съ прилож., „Наставленія и утѣшенія св. вѣры православной“, „Душеполезное Чтеніе“, „Воскресный День“, „Народное Образованіе“, „Церковно-приходская школа“, „Душеполезный Собесѣдникъ“ и „Божія Нива“.

2) *Воскресныя чтенія* производятся неопустительно каждый воскресный и праздничный день. По окончаніи торжественной вечерни, священникъ читаетъ что-либо нравственно-назидательное, а учительница — изъ книгъ преимущественно историческаго характера. Чтеніе сопровождается пѣніемъ. Желательно придать симъ чтеніямъ характеръ живой бесѣды и пріобрѣсти волшебный фонарь, но послѣднее — дѣло будущаго.

3) *Руководяльныя занятія* идутъ по программѣ, выработанной Епарх. Учил. Совѣтомъ. Обращено особое вниманіе на практическое примѣненіе уроковъ руко-

дѣлія къ жизни и на шитье священныхъ одеждъ для церкви. Въ настоящее время ученицы заняты шитьемъ полнаго священническаго облаченія и облаченія на св. престолъ изъ чернаго манчестера. Въ этой работѣ принимаютъ участіе, подъ руководствомъ учительницы, и взрослые женщины, матери дѣвочекъ, которыя пожертвовали матеріалъ и всѣ необходимыя принадлежности (стоймостью 55 руб.).

4) Устроены *школьный садикъ*. Министерство Государственныхъ Имуществъ отпустило около 300 шт. деревьевъ для обсады церковно-школьной площади; есть между ними и фруктовыя деревья.

5) *Школьная аптечка имени Епископа Иларіона*. Для школы заказанъ небольшой шкафъ (въ библиотечную комнату), снабжаемый безмездно приходскимъ священникомъ лекарствами для поданія первоначальной помощи больнымъ дѣтямъ.

Дай Богъ, чтобы между школой и прихожанами всегда существовала прочная неразрывная связь!

Дай Богъ, чтобы школа сѣяла свое „разумное добро сѣмя“ — много лѣтъ!

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

„Въ каждомъ ребенкѣ существуетъ первоначальное идеальное существо, созданное материнской рукой природы, но человекъ слишкомъ часто старается заглушить или извратить его“¹⁾. И современность породила особенно много такихъ извратителей первоначальной дѣтской природы, благодаря которымъ чистое дѣтство со всѣми задатками добра часто остается только „неосуществившимся обѣщаніемъ“ его, обѣщаніемъ, которое потомъ, увы, часто никогда не исполняется.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ, какъ не извратителями дѣтской природы должны быть признаны тѣ, кои, — о чемъ особенно часто приходится читать теперь на стра-

ницахъ различныхъ органовъ печати¹⁾, — высмѣивая „отсталый“ взглядъ Руссо на дѣтскую природу, какъ на чистую доску (tabula rasa), на которой воспитатель можетъ писать все, что „придетъ ему въ голову“²⁾, заставляютъ отказаться школу и руководителей подрастающаго поколѣнія, да и самихъ родителей (да, утверждаютъ и это!) отъ облагораживающаго воздѣйствія на дѣтей, отъ воспитанія въ нихъ хорошихъ сторонъ характера, чтобы дать имъ перевѣсъ надъ дурными. А вѣдь, нужно замѣтить, что подобныя ненавистники воспитывающаго обученія, къ прискорбію, нерѣдки въ наши дни. Факты гибельныхъ

¹⁾ Saint-Beuve. См. у Фаррара „Во дни твоей юности“, пер. Комарскаго, Петербургъ, 1895 г., стр. 418.

²⁾ См., напр., упоминаніе объ этомъ въ 39 № Божіей Нивы „Нашъ дневникъ“, ср. также Педагог. Листокъ, 1905 г. кн., 1-я, стр. 3, 6 и др.

³⁾ Педагог. Лист. 1905 г., кн. 1, стр. 6.

экспериментовъ подобнаго рода извѣстны каждому, кто слѣдитъ за періодическою печатью, гдѣ часто встрѣчаются типы распущенныхъ, преступныхъ дѣтей, совершающихъ всевозможныя преступныя дѣянія. А вотъ, напримѣръ, и ихъ обобщеніе. Въ „Вопросахъ жизни“¹⁾ въ одномъ изъ разсказовъ (Наслѣдственность) выводится маленькій мальчикъ Трунинъ, въ раннемъ дѣтствѣ котораго „все какъ бы сдвинулось съ своего мѣста“ и которому, подчасъ, было страшно въ присутствіи своего отца, безжалостно разбивавшаго его смутныя дѣтскія вѣрованія. Не было у Трунина отраднхъ впечатлѣній дѣтства, не было и радостныхъ сновидѣній. „По ночамъ маленькаго Трунина одолѣвалъ томительный страхъ, и онъ начиналъ потихоньку стонать, чтобы разбудить старую Власьевну. Старуха просыпалась и крестила окна, его постельку и свой ротъ... Подъ самое утро мальчикъ засыпаетъ и ему снятся страшные сны: видитъ онъ себя на крышѣ высокаго дома—кругомъ небо и звѣзды... и тишина такая, что сердце стынетъ отъ страха и удивленія. Онъ хочетъ крикнуть и вдругъ медленно, медленно падаетъ и со стономъ приходитъ въ себя.

„На другое утро Власьевна, подперши щеку рукой, обстоятельно докладываетъ, что Сереженька ночью опять не спали, все чего-то пужались.

— „Нервный, впечатлительный ребенокъ! — говоритъ мама. — Прошу васъ, Власьевна, не рассказывайте ему на ночь страшныхъ сказокъ.

„Но няня недовольна на что-то и продолжаетъ ворчать.

— „Довольно, Власьевна, довольно... Прошу васъ!—раздраженно говоритъ мать.

„И маленький Трунинъ знаетъ, почему мама говоритъ: „довольно“. Она не любитъ, когда Власьевна жалуется на то, что онъ на ночь плохо или даже совсѣмъ не молился. Мама сама не молится, а папа называетъ священниковъ „попалми“ и „долгогривыми“, при чемъ мама ему всегда выразительно мигаетъ²⁾. Изъ всего этого, а также изъ того, что постовъ они не соблюдаютъ, маленький Трунинъ заключаетъ, что молиться Богу и ходить въ

церковь должны только маленькіе да прислуга, а когда онъ вырастетъ большой, онъ тоже не будетъ ходить къ обѣднѣ, гдѣ бываетъ всегда ужасно скучно.

„Эта же самая Власьевна причесывала и обдергивала мальчика, когда онъ шелъ къ обѣднѣ или говѣть. Часто мальчикъ ловилъ при этомъ на себѣ долгій и грустный взглядъ матери. Онъ *вопросительно* взглядывалъ на нее. Она говорила:

— „Ступай, милый“...

И вотъ, чтобы противодѣйствовать болѣзненному развитію у мальчика фантазіи отецъ и мать стали вырабатывать планъ воспитанія — тотъ планъ, который такъ часто намѣчается нѣкоторыми современными педагогами, желающими заниматься „обученіемъ“ дѣтей, а не „воспитаніемъ“ ихъ.

„Онъ немилосердно искажаетъ факты,—озабоченно говоритъ отецъ.—Это послѣдствіе сказокъ и фантастическихъ повѣстей. Я бы охотно сжегъ всю эту дѣтскую литературу! Пусть онъ *набирается трезвыхъ положительныхъ свѣдѣній*... Факты... естественно - научное образование... дисциплина ума“...

Предначертавъ этотъ планъ воспитанія мальчика, „строгий, нетерпѣливый“ отецъ присаживался иногда къ сыну за столъ и, неудачно поддѣлываясь подъ дѣтскій языкъ, заводилъ „научную бесѣду“. И вотъ бѣднаго мальчика начинала мучить „безпросвѣтная, гнетущая тоска. Въ эти часы ему казалось, что *всѣ его забыли и отвернулись отъ него*“...

И „Боже! какъ онъ цѣнилъ, когда мать просто приходила иногда, по вечерамъ, къ его кровати. Онъ обнималъ ея руку, и она тихо перебирала его волосенки. Какая странная дума отражалась въ ея тревожныхъ глазахъ! Онъ чувалъ *это тепло ея души и это глухое безпокойство*, которое смотрѣло изъ ея глазъ. Какъ бы ей хотѣлось перекрестить его на сонъ грядущій, какъ крестила ее въ дѣтствѣ когда-то мать! Какъ бы хотѣлось ей слить съ нимъ трепещущія уста въ давно забытой молитвѣ!“

Но она, зараженная новыми вѣяніями модныхъ теорій воспитанія, „не могла этого сдѣлать, потому что считала *это почему то нелѣпностью*. Нелѣпымъ она считала и свое дѣтство... Это были далекія времена... Они невольно вспоминаются, когда посѣщаешь на кладбищѣ забытыя

1) Журналъ, замѣнявшій собою „Новый путь“, 1905 г., кн. 1-я.

2) Курсивъ нашъ.

могилы... Почему и какъ это случилось, она не могла отдать себѣ яснаго отчета... А теперь она чувствовала себя какъ бы виноватою передъ этимъ темноглазымъ мальчуганомъ, который пылливо вематривался въ ея лицо... Она отгоняла отъ себя эти мысли, и вдругъ ей чудилось небо темное, глубокое, а тамъ дрожать звѣзды холодныя и безучастныя. Она куталась въ свой вязаный красный платокъ, прижимала къ себѣ маленькую довѣрчивую ручку ребенка и старалась ни о чемъ не думать... „Что касается отца, то онъ почти всегда казался чужимъ“...

Скоро у мальчика умерла мать. Все въ домѣ перемѣнилось. Мебель передвинулась и Трунинъ съ ужасомъ сталъ замѣчать, что съ каждымъ днемъ тускнѣлъ образъ его матери. Скоро ослѣпла Власьева. Ее замѣнила худая, высокая, съ бѣлокурными завитушками нѣмка-бонна. Но самое важное было то, что отецъ и сынъ помѣстились въ одной комнатѣ, при чемъ первый не переставалъ напѣвать сыну „о фактахъ“...

„Иногда мальчику хотѣлось спросить отца, зачѣмъ другіе люди ходятъ въ церковь и отчего сама мама пожелала предъ смертію причаститься? Что все это можетъ значить? Но объ этомъ нельзя было спросить. Чуткимъ сердцемъ онъ угадывалъ здѣсь какую-то роковую, зловѣщую тайну... Большіе праздники проходили у нихъ скучно. Днемъ разносился по всему городу звонъ. Кто-то гдѣ-то что-то праздновалъ. Одни они почему-то не смѣли: словно непонятное, но властное и могучее запрещеніе тяготѣло на нихъ. Въ домѣ было особенно скучно и мертво, и маятникъ большихъ стѣнныхъ часовъ особенно строго щелкалъ въ залѣ:

Факъ ты... Факъ-ты... Факъ-ты...“

Скоро у Трунина появились товарищи, люди „новыхъ взглядовъ“, которые даже о родителяхъ отзывались, „что они отростили себѣ пузо и думаютъ, что умнѣ другихъ“... О школѣ и учителяхъ они не говорили иначе, какъ въ тонѣ „снисходительнаго презрѣнія“ и въ разговорѣ припоминали выходки противъ наставниковъ. Эти товарищи и разбили окончательно смутныя и подчасъ чаивныя вѣрованія Трунина. И онъ сталъ страдать, страшно страдать оттого, что „нарушился покой самой нѣжной и тревожной части его души. Раньше она

спала очарованная пустымъ, ничего не значащимъ словомъ... Теперь имъ овладѣлъ внезапно испугъ. Все какъ бы сдвинулось съ своего мѣста“... Мальчикъ сталъ чувствовать по ночамъ страшный холодъ на сердцѣ... Ему не спалось, ему было страшно... Отецъ объяснялъ „нервность“ мальчика „наслѣдственностію“, такъ какъ и мать мальчика была „нервною“ женщиною, а самъ попрежнему оставался вѣренъ своимъ „фактамъ“... Не измѣнялась и духовная природа мальчика: ему попрежнему было холодно и страшно...

Вотъ, въ извлеченіи, очень поучительный результатъ новѣйшей системы воспитанія безъ всякаго добраго сторонняго вліянія! Вотъ съ какими духовными лишеніями въ нашъ „нервный“ вѣкъ воспринимается дѣтскою душою наука о фактахъ! Сухостью, холодомъ вѣетъ отъ резонера отца. Не радуется мальчика и болѣзненный, грустно-стыдливый и мучительно-тоскливый, взглядъ матери... Не дадутъ отдыха душѣ и товарищи, такъ рѣшительно разбивающіе наивную полуязыческую вѣру мальчика - Трунина... Ему вспоминается иногда няня и ея жалобы матери на его плохую молитву... Ему хотѣлось спросить иногда отца, зачѣмъ другіе люди ходятъ въ церковь... Нѣтъ то чуждымъ вѣетъ отъ отца... Нѣтъ съ мальчикомъ и простой няни Власьевны, которой не разъ доставалось отъ родителей Трунина за ея „глупые“ рассказы. И вотъ въ итогѣ тяжелая удручающая дѣйствительность. У мальчика страшные недѣтскіе сны. И на яву ему кажется, что всѣ его забыли, отвернулись отъ него, нарушили, больно нарушили, и быть можетъ навсегда, покой самой нѣжной и тревожной части души...

Правда, мы видимъ, что здѣсь „страждетъ о покоѣ души“ нервный впечатлительный мальчикъ, отецъ котораго желалъ, чтобы онъ „набирался трезвыхъ, положительныхъ знаній“... Но чѣмъ лучше жизнь здоровыхъ, не болѣзненныхъ дѣтей, духовная жизнедѣятельность которыхъ подавляется съ самой колыбели?! Какъ часто изъ нихъ вырождаются и воспитываются такіе дѣятели, которые готовы иногда, къ стыду своему, утверждать, что лучше быть сытой свиньей, чѣмъ голоднымъ Сократомъ! И что можно ожидать въ свою очередь отъ этихъ дѣтей, когда они станутъ родителями, — холодныхъ резонеровъ, безъ душевной теплоты, край-

них проповѣдниковъ животной жизни—и только? При этомъ нужно замѣтить, что такихъ проповѣдниковъ внѣшней безпечальной жизни порождаютъ не только города, но и деревня, ежегодно выдѣляющая изъ своей среды тысячи дѣтей на фабрики и въ города на разныя мелкія послуги. И это то послѣднее обстоятельство, въ виду начавшагося уже практическаго оправданія въ жизни дѣтей не только городовъ, но и деревни крайнихъ завѣтныхъ мечтаній современниковъ о воспитаніи въ дѣтяхъ чистаго знанія безъ примѣси элементовъ вѣры и нравственности,—это обстоятельство должно усугубить воспитывающую дѣятельность тружениковъ нашихъ школъ. И эта работа въ добромъ направленіи безусловно необходима и съ точки зрѣнія природою дитяти и съ точки зрѣнія учительскаго долга. Сколько бы ни говорили о прямой задачѣ школы *только обучать* дѣтей—она по существу дѣла не можетъ быть невоспитывающею, потому

что каждый школьникъ съ необходимостію выносить изъ школы то или другое впечатлѣніе отъ товарищеской среды и отъ своихъ руководителей. И понятно, что естественно желать, чтобы это впечатлѣніе было только добрымъ, облагораживающимъ. О знаменитомъ скульпторѣ Микель-Анджело рассказываютъ, что онъ, увидѣвъ однажды въ каменоломнѣ большую каменную глыбу, сказалъ: „принесите ее ко мнѣ, я сдѣлаю изъ нея ангела“. Эта потребность творить, отличающая великихъ художниковъ, должна характеризовать и каждого убѣжденнаго дѣятеля на нивѣ дѣтскихъ сердець... Разъ онъ соприкасается съ ребенкомъ или юношей—онъ долженъ его воспитывать, потому что въ противномъ случаѣ онъ будетъ только ремесленникомъ, оперирующимъ въ области чистой механики, съ забвеніемъ всего лучшаго и высокаго въ дѣтской природѣ.

Вышли новыя брошюры:

Епископа Нікона.

ГОЛОСЪ

изъ обители

ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ

о печальныхъ событіяхъ послѣдняго времени на Руси.

Цѣна 2 коп., съ пересылкой 4 коп.

Выписывающимъ 500 экз. и болѣе 30% скидки.

Можно получать изъ редакціи Троицкихъ Листковъ.

ПАСТЫРСКОЕ УТѢШЕНІЕ

ХРИСТИАНИНА

въ бѣдствіяхъ войны.

Изъ словъ Митрополита Московскаго
ВЛАДИМИРА.

Цѣна 5 коп., съ перес. 7 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Христосъ Воскресе! Д. В. — Религіозное и прекрасное въ воспитаніи. (Къ вопросу о школьныхъ путешествіяхъ). *Димитрія Введенскаго.*—Изъ дневниковъ наблюдателей. Отрадныя факты, какихъ не мало. *Свящ. В. Васильевъ.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова.*—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 28-я (пять статей).

Редакторъ Епископъ НІКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Марта 18 дня, 1905 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная
цѣна на
журналь 1 р.
съ перес.; вы-
ходить
ежемесяч-
но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.